

УДК 316.624

Е.А. ЯРОШЕВИЧ, Д.С. КОВАЛЕВ

# СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ РИСКА В ОБЪЯСНЕНИИ ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ

В статье раскрывается взаимосвязь риска и девиантного поведения как социокультурных явлений и индивидуального поведения. Обосновывается целесообразность использования сложившихся в западной социологии теорий риска, позволяющих рассматривать взаимосвязь риска и девиантного поведения на уровне общества соци-

альных групп, в различных видах индивидуальной деятельности. Отмечается необходимость изучения проблемы на основе анализа динамического взаимодействия личности с неопределенными условиями социальной среды на макро-, мезо- и микроуровне, направленность которого обусловливается характером этого взаимодействия, а также обстоятельствами конкретной социальной ситуации. Девиация рассматривается как форма рискового поведения субъекта и как следствие виктимизации человека или группы.

Стремительное увеличение масштаба глобальных угроз естественным и культурным основам жизни человечества актуализировало в последние десятилетия научный и общественный интерес к проблематике взаимосвязи девиантного поведения и риска.

Девиантное поведение (франц. *deviation* от лат. *deviare* – сбиваться с пути) – социальные действия, отклоняющиеся от доминирующих в обществе социокультурных ожиданий и норм, общепринятых правил выполнения социальных ролей, влекущие за собой изменение темпов развития общества и адаптационной способности людей, причинение вреда или пользы конкретной личности и интересам общества.

Отклонения от социальных норм возможны в двух направлениях: позитивном и негативном. В первом случае нарушаются социально-неадекватные нормы. Такое поведение является социальной инновацией и определяет, по мнению О.С. Осиповой, "вектор эволюционного развития общества" [1, с. 328-329]. Во втором случае нарушаются социально адекватные нормы. Однако в обоих случаях отклоняющееся поведение тесно взаимосвязано с риском. Оно может выступать и как его следствие ( своеобразный способ реагирования), и как генератор риска на уровне индивида, группы, общества в целом.

Понятие "риск", представление о котором существовало уже в античности, до настоящего времени не приобрело единого понимания, что связано со сложностью и многогранностью изучаемого феномена. Как отмечает О.Н. Яницкий, в литературе сложились два крупных направления интерпретации риска как социального феномена: реалистическое и социокультурное [2, с. 7]. В рамках реалистического направления риск рассматривается как потенциальная опасность или уже причиненный вред, который может быть измерен независимо от социальных процессов и культурной среды. Данный подход получил распространение в инженерных науках, статистике, экономике и психологии. Второе направление сформировалось на базе философии, социологии, культурологии. Его представители полагают, что риск – опасность, которая всегда опосредуется социальными и культурными факторами и процессами, поэтому его изучение предполагает учет социокультурного контекста, в котором он осознается и обсуждается.

В объяснении взаимосвязи риска и девиантного поведения как социокультурных явлений и как индивидуального поведения целесообразно основываться на теориях, разработанных в рамках социокультурного направления в интерпретации риска: теории "общества риска" У. Бека и Э. Гидденса, поведенческом подходе Н. Лумана, культурно-символическом подходе М. Дуглас и теориях преднамеренного риска. Эти теории позволяют рассмотреть риск на уровне общества, социальных групп, в различных видах индивидуальной деятельности.

Постмодернистские теории "общества риска" представлены в работах У. Бека и Э. Гидденса. В основе рассуждений У. Бека лежит теория модернизации. В центре его концепции – производство, распространение и потребление рисков, которые внутренне присущи процессу модернизации. Они рассматриваются как оборотная сторона современности, вносящей неопределенность во все уголки бытия. У. Бек отмечает, что истоки рисков предопределяются технико-

экономическими решениями и оценками, принимаемыми организациями и политическими группами. Они рождаются, прежде всего, из двойного обличья рисков в развитом рыночном обществе: риски здесь не только риски, но и рыночные шансы [3, с. 164]. Он подчеркивает, что современные риски являются самовоспроизводящимися, поскольку их рефлексия создает все новые потребности, а значит, порождает и новые риски [4, с. 38]. Вместе с развитием общества риска нарастают и противоречия между теми, кто подвержен рискам, и теми, кто извлекает из них выгоду. Однако, как отмечает У. Бек, модернизационные опасности рано или поздно приводят к единству преступника и жертвы, так как "в случае реализации вторичных рисков срабатывает "эффект бумеранга": производители рисков становятся их потребителями" [4, с. 44].

Э. Гидденс считает риск атрибутивной чертой "поздней современности". В его теории отмечается, что вторжение абстрактных систем и научных знаний в повседневную жизнь приводит к тому, что осознание риска проникает в деятельность практически каждого человека [5, с. 109]. Действия социальных акторов (в частности, по предупреждению нежелательных событий или по ликвидации их последствий) зависят от осознания ими тех или иных видов риска. Среда риска, перестав быть лишь сферой индивидуальных поведенческих актов, все более институционализируется, и появляются такие абстрактные системы (например, в рыночной экономике), где риск является основой их построения и функционирования, а не чем-то случайным или внешним. Это означает, что все люди, включенные в эти системы, хотя они того или нет, рискуют, при этом в обществе риска происходит размытие границ между добровольным и недобровольным риском, иррационализация отношения к риску. Э. Гидденс утверждает, что современный мир структурируется, главным образом, рисками, созданными человеком, при этом современный мир – это мир институционализированных сред рисков, который разными способами связывает индивидуальный и коллективный риск [5, с. 114].

Поведенческий, "собственно социологический подход к риску" Н. Лумана связан с критикой рациональности современного общества. Признание вероятностного характера реальности он связывает с вынужденностью выбора из множества альтернатив, что означает неопределенность будущего. Он водит различие риска и опасности [6, с. 150-155]. Если потенциальный урон привязывается к решению и рассматривается как его последствие, тогда, по его мнению, необходимо говорить о риске решения. Если же возможный урон рассматривается как обусловленный внешними факторами, то есть привязывается к окружающей среде, тогда говорится об опасности. Н. Луман подчеркивает, что в современном обществе нет поведения, свободного от риска. Это означает то, что нет абсолютной надежности или безопасности, и то, что нельзя избежать риска, принимая какие-либо решения.

Перцептивистский, культурологический подход представлен культурно-символической теорией М. Дуглас, социокультурной теорией Д. Луптон и Д. Туллоха, "психометрической парадигмой" П. Словика, подходом риск-культуры (risk culture) С. Лэша.

В центре внимания М. Дуглас, при рассмотрении риска, находятся убеждения и верования людей, акцент делается на том, в какие риски верят люди [7, с. 47-52]. Таюже в ее теории акцент сделан на необходимости анализа субъективного измерения, восприятия индивидами окружающего мира, так как индивиды ведут себя в соответствии с тем, какое значение они придают отдельным элементам социального окружения и бесполезности изучать восприятие риска без систематического учета культурных предрассудков. Отмечается, что именно

от существующих институтов в обществе зависит, какие риски индивиды считают серьезными и какие поведенческие стратегии они выбирают.

Д. Туллох и Д. Луптон акцентируют внимание на анализе повседневных рисков. По их мнению, знания о риске зависят от членства в той или иной культурной общности и личного опыта, являются исторически и территориально предопределенными [8, с. 321]. Риск социально конструируем, а его оценка не свободна от ценностей индивида. В рамках данного подхода отмечается, что риски являются многомерными явлениями и могут быть оценены как положительно, так и отрицательно. Устанавливается также, что на их восприятие влияет идентичность.

В русле теорий преднамеренного риска можно обнаружить относительное единство мнений по поводу категории "преднамеренный риск". Данное понятие представляет собой деятельность, которую С. Линг назвал "edgework", то есть работа на краю пропасти или скольжение по лезвию бритвы, М. Чиксентмихали – опыт слияния, опыт полного единения с окружающим субъектом миром (flow experience), С. Клауснер – поиск стресса (stress-seeking) [9].

Наиболее полно и последовательно понятие "преднамеренного риска" можно рассмотреть на примере "скольжения по лезвию бритвы" (edgework) С. Линга, который анализирует преднамеренный риск как вид социальной деятельности и как социально-психологический феномен.

Преднамеренный риск "непременно подразумевает явную угрозу физическому и ментальному здоровью" субъекта, предполагает наличие у субъекта деятельности особых индивидуальных способностей "поддержания контроля над ситуацией" и обеспечивает индивиду чувство "самореализации", входления в "иное измерение" [10, с. 871-874]. Отличительной чертой "edgework" служит намеренная, добровольная игра со смертью, которая подразумевает явную угрозу физическому или ментальному благополучию индивида. Сама "граница" или "край" могут при этом воплощать в себе самые разные альтернативы: жизнь/смерть, сознание/бессознательное, здоровье/увечье [11, с. 857].

Навыки и способности, необходимые для "скольжения по лезвию бритвы", требуют, во-первых, высочайшего профессионального мастерства и, во-вторых, "ментальной жесткости". Автор подчеркивает, что "понять эту форму поведения как "работу на грани" – значит осмыслить ее как разновидность экспериментальной анархии, где индивид выходит за пределы установленных социальных образцов, приближаясь к самому краю упорядоченной реальности".

Таким образом, основываясь на данных подходах, риск можно характеризовать как процесс выбора вариантов действий в проблемных ситуациях, исход которого трудно прогнозируем; как непосредственное действие человека в неясной, неопределенной обстановке при наличии опасности, угрозы; как вероятность отрицательного характера последствий каких-либо событий на уровне макро-, мезо- или микросоциальной среды.

Применительно к исследуемой проблеме риск рационально рассматривать как социокультурное явление, как деятельность в условиях перехода от состояния неопределенности (или наоборот), когда появляется обоснованная возможность выбора при оценке вероятности достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели с участием действующих морально-нравственных норм [12, с. 41]. Данное определение основывается на признании того, что риску присуща как субъективная, так и объективная сторона. Объективная сторона отражает процесс нарастания неопределенности в условиях жизнедеятельности человека, а субъективная – характеризует его отношение к данной конкретной ситуации, предлагающей выбор конкретного действия.

Істоки отклоняющегося поведения необходимо искать в рамках динамичного взаимодействия человека с нестабильной социальной средой. Рассматривая этиологию отклоняющегося поведения, мы выделяем, во-первых, свойства и качества личности (девиантогенные – виктимогенные), в том числе особенности отношения к опасности, риску, модели поведения в ситуации опасности. Во-вторых, факторы социальной среды человека, включая отношения, явления, процессы и состояния на макро- и микросредовом уровнях, обуславливающие наличие неопределенности и опасностей для индивида, социальной группы или общества в целом, а также отношение к ним, определяемое культурными особенностями среды. Их динамическое взаимодействие составляет основу этиологии социального поведения, направленность которого обуславливается характером взаимодействия личности, социальной среды и обстоятельствами конкретной социальной ситуации.

В контексте взаимосвязи риска и девиантного поведения необходимо акцентировать внимание на нескольких ключевых вопросах. Во-первых, в какой мере общество является генератором рисков и девиантного поведения, с какими их социальными последствиями сталкивается оно само, группы и индивиды. Во-вторых, какие социальные факторы лежат в основе выбора рисков, видов социального поведения (нормативного, социально приемлемого или неприемлемого отклоняющегося поведения). В-третьих, какие социальные сегменты общества в наибольшей степени подвергаются рискам, какие группы в наибольшей степени склонны к риску, девиантному поведению.

Степень распространения риска в социальном пространстве и его последствия определяются условиями развития общества. Как отмечает Ю.А. Зубок, устойчиво развивающееся общество располагает механизмами редукции риска, когда риск минимизируется и локализуется в определенных социальных группах [13, с. 43]. В условиях кризиса происходит рост неопределенности, что приводит к росту и постоянному воспроизведству рисков.

В контексте предложенной темы целесообразно сосредоточиться на особенностях продуцирования рисков повседневности в обществе. К их числу О.Н. Яницкий относит риски, внезапно нарушающие самые привычные, обычные практики человека, представляющие собой угрозу тем средам и поступкам, которые в ходе социализации индивида были помечены в индивидуальных ментальных картах как практически безопасные (дом, семья, друзья и т. д.) [2, с. 91]. Наличие неопределенности, опасности, рост числа проблемных ситуаций именно в данных сферах жизнедеятельности человека повышают уровень тревожности, способствуют принятию рисковых способов выхода из них, в том числе – девиантных.

В культурно-символической теории М. Дуглас отмечается, что от существующих институтов в обществе зависит, какие риски индивиды считают серьезными и какие поведенческие стратегии они выбирают. Если исходить из того, что люди выбирают некоторое знание об определенных опасностях именно потому, что они привержены определенному образу жизни, то можно предположить, что люди, приверженные различным формам социальной организации, предрасположены идти на различные типы рисков или избегать их. В данном контексте встает проблема навязывания рисков и их неравномерного распределения, когда, по мнению А.В. Мозговой, рискам подвергаются те люди, которые в наименьшей степени способны с ними справиться и не обладают адекватным потенциалом для восстановления [14, с. 12]. Это так называемые группы риска, рассматриваемые в социологии девиантного поведения сквозь призму виктимизации как процесса и результата становления личности, групп-

пы людей как жертв неблагоприятных условий социализации, деструктивного коммуникативного воздействия социокультурной среды. Итогом виктимизации является формирование виктимности как психологического состояния, обусловленного совокупностью качеств и свойств личности, особенностей ее образа жизни, деструктивными взаимоотношениями с окружающими людьми или воздействиями неблагоприятного социального окружения, которые могут обуславливать предрасположенность стать жертвой обстоятельств, проблемной ситуации, воздействий другого человека. Причем многие представители "групп риска" являются одновременно и жертвой, и источником риска, объектом и субъектом девиантного поведения.

Признание роли социальной среды не умаляет значимости личности в выборе форм поведения в ситуации риска. Сознание человека обладает свободой выбора. Выбор линии поведения человек делает сам, однако с учетом внешних факторов и своих внутренних свойств и целей, и этот выбор всегда является проявлением риска. Степень рискованности, готовности к риску – один из показателей девиантогенного потенциала личности как совокупности ее качеств, предопределяющих выбор девиантных форм поведения. В данном контексте целесообразно рассматривать человека как субъект риска, выбирающий определенный вид деятельности: девиантный (инновационный или асоциальный) или социально-нормативный, опасный или безопасный. В этом выборе многое зависит как от отношения к риску, от усвоенных в процессе социализации примеров и опыта реагирования на проблемные ситуации, так и от оценки того, каким образом общество стимулирует нормативное или девиантное поведение (инновационное или асоциальное).

Следует отметить, что ограничения, трудности в самореализации и самоутверждении личности в реальной повседневной жизни лежат в основе растущей популярности различных видов преднамеренного риска и девиантного поведения. В условиях трансформирующегося общества данная проблема актуализируется, так как возможности достижения социально значимых целей институционально одобряемыми средствами для части населения существенно ограничены. Это предопределяет выбор альтернативных способов приспособления к сложившейся ситуации: принятие существующей ситуации, "уход" от нее или противостояние. В последнем случае одни, рискуя преднамеренно, нарушают социально адекватные нормы (поведение трактуется как девиантное поведение негативной направленности), другие – социально-неадекватные. Выбор последних в конечном счете рассматривается как социально-инновационное поведение, ценностью которого выступает результат – достижения в социально-экономической, политической, духовной сферах. В условиях противостояния проблемной ситуации человек выступает одновременно и как объект риска, и как его субъект, который продуцирует их не только для себя, но и для других. Однако возможные последствия в первом и втором случае будут значительно отличаться, что необходимо учитывать в системе социального контроля отклоняющегося поведения в трансформирующемся обществе.

Стимулирование обществом инновационного поведения и сдерживание негативного – важнейшее условие его дальнейшего развития. Это требует знания особенностей этиологии отклоняющегося поведения в условиях нестабильности социальных систем, что актуализирует изучение девиации и риска в их взаимосвязи и взаимозависимости и требует глубокого междисциплинарного изучения, использования социологической теории риска в познании и объяснении девиаций.

## ЛІТЕРАТУРА

1. Осипова, О.С. Девиантное поведение личности как начало социального изменения / О.С. Осипова // Методологическое обоснование социогенеза: классические подходы и инновации. – Гомель: БелГУТ, 1997. – С. 328-329.
2. Яницкий, О.Н. Социология риска / О.Н. Яницкий. – М.: Издательство LVS, 2003. – 192 с.
3. Бек, У. От индустриального общества к обществу риска / У. Бек // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 161-168.
4. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
5. Гудденс, Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. – 1994. – Вып. 5. – С. 107-134.
6. Луман, Н. Понятие риска / Н. Луман // THESIS. – 1994. – Вып. 5. – С. 135-160.
7. Гаврилов, К.А. Социологический подход к анализу риска / К.А. Гаврилов // Социологический журнал. – 2007. – Вып. 3. – С. 40-58.
8. Lupton, D. Risk is part of Your life: risk epistemologies among a group of australians / D. Lupton // Sociology. – 2002. – Vol. 36. – № 2. – P. 317-334.
9. Breton, D. Playing symbolically with death in extreme sports / D. Breton // Body and society. – 2000. – Vol. 6. – № 1. – P. 1-11.
10. Lyng, S. A social psychological analysis of voluntary risk taking / S. Lyng // American Journal of Sociology. – 1990. – Vol. 95. – № 4. – P. 851-886.
11. Lyng, S. Crime, edgework and corporeal transaction / S. Lyng // Theoretical Criminology. – 2004. – Vol. 8. – № 3. – P. 359-375.
12. Чупров, В.И. Молодежь в обществе риска / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, К. Уильямс; Ин-т соц.-полит. исслед. – 2-е изд. – М.: Наука, 2003. – 230 с.
13. Зубок, Ю.А. Проблемы социального развития молодежи в условиях риска / Ю.А. Зубок // Социологические исследования. – 2003. – № 6. – С. 42-51.
14. Мозговая, А.В. Риск как социологическая категория / А.В. Мозговая // Социология: 4М. – 2006. – № 22. – С. 5-18.